

* * *

В ожидании снежной пряжи
и в надежде на свет в ночи,
в эмигрантском ажиотаже
улетают на юг грачи.

На песок, на речные воды,
на теряющий листья лес
смотрит маленький царь природы
с автоматом наперевес.

Он родился во время оно,
а теперь сам себе не рад.
Так зачем же ему корона,
и зачем ему автомат?

Он стоит, как в любви признание,
перед светом чужих очей,
и, быть может, его признание –
слушать осенью крик грачей?

Любовь отбрасывает тень тоски и торжества,
как это делает сирень – цветы ее, листва,

и узловатый узкий ствол, и ветви на весу,
как я тягчайшее из зол в груди своей несу.

Любовь, лицо рукой закрыв, не видит наших слез.
В буддийских храмах старых ив, в больших церквах берез

засвищут птицы, запоют о счастье без вины,
кукушка наведет уют в часовне бузины.

Травую зарастет пустырь, и съест огонь зола,
и будет леса монастырь звонить в колокола.

А ты, любовь, пройди, как тень, волною в небо хлынь,
как эта сладкая сирень, как горькая полынь.

* * *

Ты во сне у Желтой стоишь горы,
где огромных яблок висят шары,
Илия-пророк от грозы оглох,
льет с небес поток, серебрится лох,
спят ворон посты на пути к беде,
чешуя листвы не видна в воде.

Набирает плоть винограда гроздь.
Кто тебе, Господь, выбирает гвоздь,
чтобы крепче тело прибить к кресту?
Ходит люд ремесленный по мосту.
Перекинут мост, как Великий Пост,
через сорок дней и ночей без звезд,
и видна река с Соколовых гор,
но Голгофы скрыт костяной бугор.

Я горчайших истин учу азы:
если есть река – Иордан, Янцзы,
то водою желтой лицо омой.
Муравьи-китайцы спешат домой.
Шелестит в траве муравьев поток,
на земле валяется молоток,
он им нужен был, чтобы гвозди вбить.
Как теперь, мой друг, мне тебя любить?

Кто-то строит дом, громыхает гром,
и в рыбачью сеть попадает сом,
кто качает мед, кто детей растит,
кто тебя поймет и меня простит?

После смерти слышен грозы раскат.
Градом спелых вишен засыпан сад.

Я хочу, чтоб белый созрел налив.
Что бы ты ни делал – среди олив
одичавших будет бродить Христос,
и с небес прольются потоки слез.

Ах, в любви не смыслю я ни аза,
в соляной земле не растет лоза,
но, плывя в ладье, ты туда причаль,
где одна любовь и одна печаль,
где любой из нас попадет домой.

Ты в предсмертный час, бедный ангел мой,
пируэт выписывай в облаках
с тонкой пудрой рисовой на щеках.

* * *

Ангелы и птицы в райских кущах
запоют на разные лады –
и увидят стаи рыб, плывущих
в тонких платьях из речной воды.

В мире, словно в зале ожидания,
жаждет получить душа моя
в краткий миг блаженства и страданья
опыт неземного бытия.

* * *

1

Я думала – они исчезли навсегда,
уехав – кто в Москву, кто в новую столицу,
кто в Прагу, кто в Париж, кто – в Геную, кто в Ниццу,
в иные времена, в иные города,
уехали навек, в пространстве растворились,
как мёртвые в земле, как в кружке пива – соль,
и вдруг вернулись все, и все разговорились,
и горечью своей со мною поделились,
и радостью, в которой скрыта боль.

2

А я и не ждала, что жизнь внезапно треснет,
как зеркало в углу, в пыли и темноте,
что прошлое умрёт и, умерев, воскреснет,
и сердце закипит, как чайник на плите.
Но как теперь мне жить? Вернулся целый мир,
увы – моя душа вместить его не в силах:
кто был когда-то мил, тот стал убог и сир,
и все его слова в просторных спят могилах –
они отпеты мной и мною прощены,
и руки мертвецов как звуки скрещены.

Мне снится по ночам один и тот же сон:
 семь ангелов стоят, облечены в виссон,
 семь ангелов стоят, в руках сжимая чаши,
 а на земле дрожат тела и души наши.
 И никого уже, окликнув, не вернёшь,
 и ревность не убьёшь, и не исправишь ложь,
 и зависть, как змею, на сердце не раздавишь...
 Но вдруг могучий Бах рукой коснётся клавиш,
 и ты, обняв меня, вдруг целый мир поймёшь
 и Бога милосердного восславишь.

Цикада

Тополь, житель соседского сада,
 ночью выглядит как саудит,
 а в его одеянье цикада
 пилит сук, на котором сидит.

Этот звук мне напомнил другую
 жизнь в системе иных величин –
 и волну безнадёжно тугую,
 и тоску без весомых причин.

Пыль казалась похожей на перхоть,
 в сердце прятался маленький ад,
 и хотелось уехать, уехать
 от безумного треска цикад.

Кровь хлестала из каменной вены,
 и, как некий цветок, выросстал
 в зоне смерти, любви и измены
 диких слов безупречный кристалл.

А в кристалле, как в образе ада,
 размышляя о зле и добре,
 в бороде у Иуды цикада
 молча в лунном спала серебре.

* * *

Болят у тополя голова –
 он будет листвою шуметь...
 И если всё же мои слова
 не олово и не медь,

и если вправду мои стихи –
 признание моей вины,
 и если будут мои грехи
 действительно прощены,

то, значит, в будущем стану я
потоком, текущим с гор,
поскольку всё-таки жизнь моя
не только словесный сор.

Когда-нибудь – ты меня прости –
я снова к тебе приду,
я буду в зарослях слов цвести,
как роза в чужом саду,

я буду новые песни петь
некстати и невпопад,
и буду в воздухе я висеть,
как ангел и водопад...

Тополиный пух

Я брожу в саду, где в какой-то миг
отошёл садовник от дел своих,
и печаль садовника глубока,
как волна душистого табака.

Молодой сирени костёр потух,
но летит уже тополиный пух,
он мерцает медленно надо мной
как возникший в воздухе мир иной.

И видны там ангельские следы,
и садовник там, и его труды,
и печаль садовника глубока,
как из пуха белого облака.

* * *

Чем пустыня сердца сегодня тебе близка?
Исчезает тихо песчинка среди песка,

исчезает капля в пустыне морской воды,
исчезают в мире благие твои труды.

Растворяясь во времени, в соль превратилась боль,
и в шкафу на полочке куколкой стала моль.

а её душа пребывает в иных мирах –
там она парит, разодетая в пух и прах.

Рядом с нею ангел, он держит огромный меч,
и простая моль рядом с ним обретает речь,

и стекает капля, как алая кровь, с креста,
и лежит песчинка на правой руке Христа.